

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 51. «И в утро мира это было»

Выпуск № 12

Владимир Набоков

Кирпичи

Ища сокровищ позабытых
и фараоновых мощей,
учёный в тайниках разрытых
набрёл на груды кирпичей,
среди которых был десяток
совсем особенных: они
хранили беглый отпечаток
босой младенческой ступни,
собачьей лапы и копытца
газели. Много за них
лихому времени простится –
безрукий мрамор, тёмный стих,
обезображенные фрески...

Как это было? В синем блеске
я вижу красоту песков.
Жара. Полуденное время.
Еще одиннадцать веков
до звёздной ночи в Вифлееме.

Кирпичник спит, пока лучи
пекут, работают беззвучно.
Он спит, пока благополучно
на солнце сохнут кирпичи.
Но вот по ним дитя ступает,
отцовский позабыв запрет,
то скачет, то перебегает,
невольный вдавливая след,
меж тем как, вокруг него играя,
собака и газель ручная
пускаются вперегонки.
Внезапно – окрик, тень руки:
конец летучему веселью.

Дитя с собакой и газелью
скрывается. Все горячей
синеет небо. Сохнут чинно
ряды лиловых кирпичей.

Улыбка вечности невинна.
Мир для слепцов необъясним,
но зрячим всё понятно в мире,
и ни одна звезда в эфире,
быть может, не сравнится с ним.

1928

Лариса Патракова

Соловки

В третьем тысячелетии до нашей эры
Здесь было место границы света:
Сюда привозили своих умерших
Со всех берегов – далёких, близких –
И возносили костёр погребальный,
Песню и плач золотому небу.
В путь провожали своих умерших,
Им выстилали дороги камнем...
Так помогали живые – мёртвым.
В третьем тысячелетии до нашей эры
Здесь начинались пути на небо...
Я проходила по тем дорогам
Едва живая.

Иван Бунин

Эсхил

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты немые, полные могучей
И строгой мысли. С древней простотой
Изваян ты, о старец. Бесконечно
Далёки дни, когда ты жил. И мифом
Теперь те дни нам кажутся. Ты страшен

Их древностью. Ты страшен тем, что ты,
Незримый в мире двадцать пять столетий,
Незримо в нём присутствуешь донине,
И пред твоею славой легендарной
Бессильно Время. – Рок неотвратим,
Всё в мире предначертано Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье
Дела всех дел. Но ты пред Адрастеей
Склонил чело суровое с таким
Величием, с такою мощью духа,
Какая подобает лишь богам
Да смертному, дерзнувшему впервые
Восславить дух и дерзновенье смертных!

1903–1906

Выпуск № 102

Николай Гумилёв

Прапамять

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят.
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши
От сна, я буду снова я, –
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

1918

Даниил Андреев

из цикла «Древняя память»

Ослепительным ветром мая
Пробуждённый, зашумел стан:
Мы сходили от Гималая
На волнующийся Индостан.

С этих дней началось новое, –
Жизнь, тебя ли познал я там?
Как ребёнка первое слово
Ты прильнула к моим устам.

Всё цвело, – джунгли редели,
И над сизым морем холмов
Гонги вражьих племён гудели
В розовой мгле городов.

Но я умер. Я менял лики,
Дни быванья, а не бытиё,
И, как севера снег тихий,
Побледнело лицо моё.

Шли столетья. В тумане сиром
Я рождался и отцветал
На безмолвных снегах России,
На финляндском граните скал.

Только родины первоначальной
Облик в сердце не выжечь мне
Здесь, под дней перезвон печальный,
В этой сумеречной стране.

1931

Выпуск № 244

Даниил Андреев

Мадленские пещеры

Когда обезьяноподобные люди
На сумрачном дне незапамятных рас
Вычерчивали на каменной груди

Свой первый, звериный иконостас, —
Они укрывались от зимних туманов
В подземный, потоком размытый портал,
И гул первобытных глухих барабанов
Из тьмы недоступных пещер рокотал.

И капало сало, дымились светильни
Пред ликами мамонтов и медведей,
Чтоб стала охота на зверя обильней,
Чтоб сам приходил он в руки людей.
Глубь гротов в мерцании чадном тонула,
Блестели широкие скулы в поту,
И в медленном уханьи тяжкого гула
Плясали они, становясь на пяту.

Да не ужаснётся, кто позднего века
Дворцы оставляя, на страшное дно
Сойдёт, чтоб увидеть зарю человека —
Культур загудевшее веретено.
Ведь пламя в лампадах паникадильных,
Ласкающих ангельский иконостас,
Затеплено от первобытной светильни
На сумрачном дне незапамятных рас.

1934

Владимир Набоков

Из блеска в тень и в блеск из тени
с лазурных скал ручьи текли,
в бреду извилистых растений
овраги вешние цвели.

И в утро мира это было:
дикарь, ещё полунемой,
с душой прозревшей, но бескрылой, —
косматый, лёгкий и прямой, —

заметил, взмахивая луком,
при взлёте горного орла,
с каким густым и сладким звуком
освобождается стрела.

Забыв и шелесты олени,
и тигра бархат огневой, –
он шёл, в блаженном удивленьи
играя звучной тетивой.

Её притягивал он резко
и с восклицаньем отпускал.
Из тени в блеск и в тень из блеска
ручьи текли с лазурных скал.

Янтарной жилы звон упругий
напоминал его душе
призывный смех чужой подруги
в чужом далёком шалаше.

Выпуск № 424

Владимир Набоков

Я был в стране Воспоминанья,
где величаво, среди сиянья
небес и золота песков,
проходят призраки веков
по пирамидам смугло-голым,
где вечность, медленным глаголом
вникая в сумерки души,
волнует путника – в тиши
пред сфинксом мудрым и тяжелым.
Ключ неразгаданных чудес
им человечеству завещан...
О, глаз таинственный разрез!

На глыбе голубой, среди трещин,
застыл божественный Рамзес
в движенье тонко-угловатом...
Изиды близится закат;
и пальмы жестко шелестят,
и туч – над Нилом розоватым –
чернеют узкие струи...

Там – на песке сыром, прибрежном,
я отыскал следы твои...

Там, в полудымке, в блеске нежном,
пять тысяч лет тому назад,
прошла ты лёгкими шагами
и пела, глядя на закат
большими, влажными глазами...

1919

Даниил Андреев

Отрывок

(из цикла «Древняя память»)

...На берег вышла. Солнце тканью
Из света – стан ей облекло;
Над грудью влажно расцвело
Жасмина сонного дыханье,
И – обернулась... В первый раз
Забыл я снег и лёд в Непале,
И прямо в душу мне упали
Лучи огромных, тёмных глаз.

Я вздрогнул: там, под влагой чёрной
Индийских бархатных ночей,
Сиял цветок нерукотворный,
Как чаша золотых лучей.
Мерцала в этом детском взоре
Тысячелетняя тоска
Старинных царств, уснувших в море
Под золотым плащом песка;

Неуловимые для слуха,
В нем реки звёздные текли
Неизмеримых странствий духа
Ещё до солнца и земли...
Я видел путь наш в море мира,
Сквозь плещущие времена,
И звук, ликующий как лира,
Из сердца рос: – Она! Она!

1934

Николай Гумилёв

Царица

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои весёлые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зелёного канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклонённый,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдёт тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни весёлые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел Бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

1910

Выпуск № 1110

Николай Гумилёв

Воин Агамемнона

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Всё, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Всё отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега – в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, – вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов, Атрид, –
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озёр,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор –
Жить, потерявши царя!

Наталья Крандиевская

Таро – египетские карты –
Я разложила на полу.
Здесь мудрость тёмная Астарты, –
Цветы, приросшие к жезлу,

Мечи и кубки... Символ древний,
К стихиям мира тайный ключ,
Цветы и лев у ног царевны,
И голубой астральный луч.

В фигурах, сложенных искусно
Здесь в треугольник, там в венок,
Мне говорили, светит тускло
Наследной истины намёк.

Но разве мир не одинаков
В веках, и ныне, и всегда,
От кабалы халдейских знаков
До неба, где горит звезда?

Всё та же мудрость, мудрость праха,
И в ней всё тот же наш двойник –
Тоски, бессилия и страха
Через века глядящий лик.

Выпуск № 930

Николай Гумилёв

Заклинание

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И её атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть её причуде,
Юный маг забыл про всё вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мёртвый, не дыша,
Отдал всё царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблёк,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

1907

Александр Блок

Жрец

Там – в синевах – была звезда.
Я шёл на башню – ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.
Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла – влажней мечты,
Вся убелённая от счастья.
Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвёздной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Её нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

1902

Выпуск № 1175

Александр Блок

Сфинкс

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорблённых богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово *Любовь*
На забытом, живом языке...

Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной – только тайный намёк –
Нераскрытой мечты торжество.

1902

Николай Гумилёв

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод, и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев – все запретные труды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

1909

Выпуск № 1398

Даниил Андреев

из цикла «Древняя память»

На орлиных высотах Непала,
Как цветок в снеговом хрустале,
Вся в заоблачных снах, увядала
Моя прежняя жизнь на земле.

Дольний мир, как отраву, отринув,
Собеседник седых ледников,
Принимал я от строгих браминов
Воду смерти – мудрость веков.

Праздно билась о горные стены
И, отхлынув, терялась вдали
Индостана народная пена,
Трубы войн, рокотанье земли.

Как гробница, короною белой
Надо мной возносился Непал,
Стыло сердце, душа леденела,
И блаженный покой наступал.

И я ждал в утихавшей печали,
Что кровавое сердце моё

Растворит непреклонная Кали
В безначальное небытиё,

Что уж близок искомый веками
Лучший цвет её лучших гирлянд –
Этот режущий гранями камень,
Этот чёрный, как смоль, бриллиант.

1934

Николай Гумилёв

Завещание

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей мёртвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озёр
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костёр.

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаённой усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Тёмным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревёт
В час, когда задрожат и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет моё бытиё,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело моё.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я ещё один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

1910